

В.П. Будakov

ДЕСТРУКЦИЯ ЛИЧНОСТИ РЕВОЛЮЦИОНЕРА В РОССИИ, 1920-Е ГГ.

К революционерам принято относить людей диссипативного склада, объединенных в тайные сообщества, ставящие своей целью насильственное ниспровержение существующего порядка во имя «рационального» и «справедливого» мироустройства. Во имя сверхценностного идеала они склонны жертвовать не только своей, но и чужой жизнью. Вряд ли справедливо считать, что движение революционеров задается волей к власти. Власть, как и террор, для них — лишь инструмент реализации цели, но никак не самоцель.

Революционер как психический тип вряд ли является существом патологическим в обыденном смысле. Это не маньяк и не террорист, хотя те и другие сопутствуют всяким революционным движениям. В личности революционера скорее фокусируется *«патология» своего времени* — как правило, эпохи перемен. Он считает себя «нормальным человеком в ненормальном обществе» — им движет «любовь к дальнему» (Ф. Ницше), во имя которого справедливо отринуть «ближних». Это феномен личностной десоциализации и отчаянного поиска новой социальности в условиях, когда открываются новые горизонты.

Структура личности революционера понятна — одержимость утопией так или иначе превращает его в жертвенного романтика и одновременно в «машину убийства». Исследователи обычно поглощены изучением «побед» революционеров, забывая о том, что таковые, как правило, иллюзорны. Чем амбициознее цели, обозначенные революционным проектом, тем более основательное разочарование предстоит пережить человеку, поглощенному им. При этом последствия этих разочарований для судеб страны могут быть не менее значимы, чем непосредственные итоги революционных действий.

Революционер (как идеальный тип) соседствует с типажом «деструктивного мятежника». Между ними принципиальная разница: первый влюблен в «прекрасное будущее», второй, будучи существом «неустроенным», является имплицитным ненавистником всего окружающего — жизни как таковой. Но в хаосе революции грань между ними размывается — главным образом через поглощенность той или иной формой насилия. Соответственно революционер в постреволюционное время оказывается подвержен той же болезненной самодеструкции, которая является неременной составляющей личности мятежника-диссипанта.

Применительно к личности революционера нет смысла заниматься морализацией даже с учетом неприглядности иных его деяний. В сущности, всякий революционер (имея в виду идеалиста) — функциональная величина историческо-

го процесса, сущности которого ему самому не дано разглядеть. В этом смысле он не столько палач, сколько жертва эпохи. Применительно к своей роли в истории заблуждаются все, однако только революционеры рискуют заплатить за это распадом собственной личности.

Существо революционера неотделимо от культурной среды, его породившей, независимо от его личного желания перечеркнуть ее. Данная работа посвящена анализу последствий «революционных разочарований». Основным объектом исследования выбран не профессиональный революционер дореволюционного времени (таковые обычно подвержены физическому, а не моральному истощению), а типаж стихийного большевика — неопита, втянутого в революционные события, захваченного энергией разрушения и уже не способного вернуться к конструктивной жизнедеятельности. Это своего рода идеальный тип активного участника революционных событий. За пределами исследования остается фигура псевдореволюционера — человека, «пристроившегося» к революции ради известного рода выгод. Очевидно, что он способен относительно легко адаптироваться к мирной действительности или снова стать уголовником. С другой стороны, подобные приспособленцы в наибольшей степени способствуют постреволюционному разложению собственно революционной среды.

Вырождение типажа профессионального революционера и лиц, втянувшихся в большевистское насилие в годы Гражданской войны, прошло несколько стадий. В этом процессе 1924—1926 гг. занимают решающее место. Смерть Ленина и других вождей, оформление номенклатуры, усиление внутривластной борьбы, финансовый кризис 1925 г., возвращение к государственной монополии на спиртное, резко возросшая суицидальность социальной среды и другие факторы указывают на то, что в личности «борца за счастье трудящихся» не могло не произойти необратимых психических сдвигов. Революционные идеалисты встали перед проблемой последнего выбора: либо принять логику государственно-бюрократической необходимости, либо встать на привычный путь борьбы — на сей раз ставшей бесцельной.

В существующей литературе этот вопрос практически не исследован. Известно, на что готов пойти революционер во имя «светлой цели», но мало известно о том, что с ним может произойти в результате «успешной» реализации революционного проекта, каковы его психосоциальные последствия. Это связано и с особенностями источниковой базы постреволюционного времени, содержащего крайне мало психоаналитического материала.

В данной работе основным источником, позволяющим выявить векторы деструкции личности революционера, являются письма коммунистов Сталину, сохранившиеся в РГАСПИ (преимущественно Ф. 17). Среди них встречаются своего рода исповеди, позволяющие установить, что и почему больше всего травмировало их в постреволюционной действительности. Дополнением к информации этого ряда являются некоторые художественные произведения времен НЭПа — литераторы довольно тонко описывали психологию «победителей».

Поглощенность насилием сама по себе ведет к деструкции личности революционера. Наиболее острую форму этот процесс принимает в связи с утратой цели. В результате революционер обнаруживает склонность к девиантному поведению, крайние формы которого связаны либо с поиском нового объекта

террористического насилия, либо с возникновением эффекта самодеструкции в его наиболее острой форме — суицидальности. Именно этим крайним формам деструкции личности революционера будет уделено особое внимание.

* * *

Постреволюционное время остро поставило вопрос о смысле жертвенности в истории. В условиях НЭПа люди перестали понимать во имя чего они страдали и боролись. Печать несчастья — то ли природного, то ли антропогенного — легла на психологию даже тех, кто продолжал воображать себя строителем нового мира.

Выбор для революционера мог быть двояким — либо продолжать упорствовать в насилии, отыскивая ее новые объекты, либо смириться с невозможностью реализации поставленных целей и перечеркнуть себя в своем прежнем качестве. Впрочем, для некоторых участников революции это казалось возвращением к норме. Один «социалист по убеждениям» в апреле 1918 г. сообщал В.И. Ленину, что в разговоре с ним «один бывший рьяный большевик, а до этого солдат-мародер, теперь сладко мечтающий о „спокойном житии“, о торговом заведении выразился так: „Побаловались и довольно, пора и за ум взяться“». Таким заявлениям сочувствуют, отмечал он¹.

Условия НЭПа, воспринятого как отказ от утопии, создали ситуацию тревожной неопределенности. Пик разочарований пришелся на смерть Ленина — современники писали об ощущении «зримой беды, народного горя»². О гибели вождя люди узнали 22 января — день был нерабочим в честь «Кровавого воскресенья» (9 января ст. ст.). К этому времени сложился — по крайней мере на предприятиях — обычай устраивать в этот день собрания, хором петь революционные песни в траурно оформленных помещениях. Получалось, что одна жертва (пролетарская) символично наложилась на другую (вождь), что не могло не оказать специфического эмоционального воздействия. Между тем «Правда» и «Известия» в специальных выпусках писали о том, что каждый член большевистской партии «есть частичка Ленина», а Коммунистическая партия — его «коллективное воплощение». И позднее рядовым коммунистам казалось, что «Правда» своими «недомолвками и туманностями» (лето 1925 г.) «сеет тревогу»³.

Даже приблизительный контент-анализ некрологов 1920-х гг. в «Правде» поражает апологетикой революционной аскезы. Воспеваются незаметный, скромный труженик, «солдат партии», обездоленный в прошлом и непременно истощенный беззаветной борьбой за большевистские идеалы⁴. Похоже, что масса ждала чего-то необычного, дабы встряхнуть оцепенение. Существовали ли люди, способные сделать такое?

¹ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 1235. Л. 14, 15.

² Баранская Н. Странствия бездомных. Жизнеописание. М., 1999. С. 315.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1026. Л. 6–7.

⁴ Тяжельникова В.С. «Вы жертвою пали в борьбе роковой...» Генезис и эволюция революционной жертвенности коммунистов // Социальная история. Ежегодник 1998/99. М., 1999. С. 426–427.

Получалось, что нравственную уверенность людей подобного склада поддерживала только убежденность, что их деяния лежат в русле победоносного шествия «прогрессивного класса». Если жизнь не давала им соответствующих подтверждений, вера в революцию легко трансформировалась в веру в вождя. За этим могла естественно последовать вера во власть, выдаваемую за истинно революционную.

«Был у нас только один товарищ, который защищал интересы всего мира, но его нет, это вождь и учитель В.И. Ленин... После смерти вождя еще хуже стало...»¹, — писал красноармеец Н.М. Холявко из Киева. Похоже, так думали многие. Ощущение «коллективной жертвы» соединилось с идеей «коллективного возмездия».

Создается впечатление, что за идейно-эстетическим избытком постреволюционного времени таился социально-исторический испуг. Литература 1920-х гг. оказалась отмечена налетом танатомании, причем далеко не всегда эсхатологически-очистительного характера. И не только литература. В Москве, которая раньше давала некоторым ощущение свободы и оптимизма, теперь ощущали «такой же застой, апатию и беспросветность и безнадежность, словом дыхание смерти», как и в провинции². А один полусумасшедший изобретатель с примечательной фамилией (или кличкой?) Спасов писал: «...Над нами, славянами, довлеет тяжелый и необратимый рок взаимного истребления на почве гнусной клеветы»³.

Для многих бывших революционеров НЭП ассоциировался с разложением и смертью. Сатирики живописали его «удушливую атмосферу», «кладбищенский дух». В адрес нэпманов постоянно звучали угрозы — нередко символического характера⁴.

А. Платонов точно передал складывающуюся психологическую ситуацию словами одного из своих литературных героев («Как зажглась лампа Ильича»):

...Мы видим лампу Ильича, но не видим тут дорогого Ильича, не видим великого мудреца, который повел на вечную смычку двух апогеев революции — рабочего и крестьянина... И я говорю: смерть империализму и интервенции, смерть всякому псу, какой посмеет переступить наши великие рубежи...

Тогдашние пропагандисты изъяснялись именно так. Однако в деревне «свет Ильича» просуществовал всего год — электростанцию сожгли (подозрение, разумеется, пало на мельников-кулаков). Образ смерти-искупления померк.

В большевистских верхах происходящее воспринималось более прозаично. К смерти Ленина были готовы, вопрос обсуждался заранее⁵. Среди больше-

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 484. Л. 56.

² *Веселовский С.Б.* Дневники 1915–1923, 1944 годов // Вопросы истории. 2000. № 10. С. 137.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1029. Л. 136.

⁴ *Орлов И.Б.* «Гримасы нэпа» в историко-революционном фильме 1920-х гг. // Отечественная история. 2003. № 6. С. 24.

⁵ Н. Вольский утверждал, что «в последних числах октября» 1923 г. этот вопрос обсуждали Троцкий, Бухарин, Каменев, Калинин, Сталин, Рыков, причем именно тогда Сталин, к возмущению присутствующих, заговорил о похоронах «по-русски», имея в виду

вистских лидеров практиковалось несколько необычное отношение к смерти, включая элементы макабрического юмора. Обратной стороной привычного революционного риска стало «деловое» отношение к смерти. Н.И. Бухарин в 1928 г. о возможности собственной смертной казни говорил так: «Мы, большевики, относимся к этому просто: каждый знает, что с ним это может случиться. Зарекаться не приходится». И тут же рассказал про группу сочинских комсомольцев, которых только что «пустили в расход» за обычное для того времени «разложение»¹.

Вероятно, под влиянием смерти Ленина уже прикованный к постели М.С. Ольминский, возглавлявший Общество старых большевиков, в завещании потребовал, чтобы после смерти его труп «был закопан (если нет в данной местности утилизационного завода) без гроба в одном белье в присутствии только могильщиков и милиции». Это был своего рода отчаянный протест против семиотической иерархии старой жизни. В конце 1924 г. его предложение, смысл которого состоял в максимальной утилизации не только духа, но и плоти революционеров на благо живущих людей, было почти единогласно принято Обществом старых большевиков. В соответствующей резолюции говорилось, что «демонстрационные похороны теперь сохраняют свой прежний большевистский характер в самых редких, исключительных случаях (похороны Ленина, Воровского)», а посему Общество «отказывается от соблюдения похоронных обрядностей для своих членов и призывает всю партию и сочувствующих беспартийных бороться с гнилыми предрассудками»². Обнаружились и пролетарии, отказывающиеся понимать, «зачем нужны такие затраты на похороны»³.

Годы Гражданской войны совершенно изменили представления о ценности жизни и смерти — ушло таинство ухода в небытие, менялись представления о человеческом организме (соответственно и душе). На исходе 1920-х гг. В.И. Вернадский записал в дневнике, что в кругу вершителей судеб страны учение об условных рефлексах И.П. Павлова «заменяет психологию»⁴. Широко известна история с организацией А.А. Богдановым Института переливания крови с целью укрепления организма — это была вовсе не чисто медицинская, а своего рода социально-биологическая акция. Сам Богданов погиб в результате такого эксперимента.

Черeda «революционных смертей» казалась необъяснимой. Очевидно, что вместе с идолами разрушения во имя будущего уходила «героическая» эпоха — в новой жизни революционным романтикам и террористам места не находилось. Для многих это означало угасание надежды. Некий И. Долгов в апреле 1927 г. писал М.И. Калинину:

бальзамирование. См.: *Валентинов (Вольский) Н.* Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина. М., 1991. С. 146–149.

¹ *Мандельштам Н.* Воспоминания. Нью-Йорк, 1970. С. 120–121.

² РГАСПИ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 1424. Л. 11, 22, 23.

³ Там же. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1013. Л. 197.

⁴ «Чувство такое, что мы на вулкане». Из дневника В.И. Вернадского. 1928 г. // Исторический архив. 1999. № 1. С. 179.

Если уже сейчас, когда в верхах старые товарищи, работавшие еще при царизме в подполье, и то бывает несогласие в виде оппозиций, то что ж получится тогда, когда на место старых волеются новые силы... Умер Ленин, о нем все жалеют. Дальше умрут Калинин и другие. Кто знает, что за люди займут их места... До сих пор не видел просвета. Надрываюсь, работаю для куска хлеба... Труд непосильный... И духовно чувствую себя скверно...¹

Идея «последней жертвы» в умах многих революционеров превращалась в идею фикс. Красноармеец, «первооткрыватель» коммунистической науки, призванной перевернуть мир, просил Сталина о личной встрече и жаловался: «...Сейчас у меня есть сильное переутомление и может быть не раз имел возможность смерти из-за напряжения, но бросить эту цель не могу»².

Любопытно, что представители культуры угадывали неизбежность подобного явления. Еще в июне 1921 г. М. Горький в разговоре с К. Фединым заметил, что большевистские вожди «больны», что естественно. «Это самоотравление гневом, — считал Горький. — Некий физиологический фактор». При этом он отмечал, что «среди интеллигентных работников заболеваний меньше», а бывшие рабочие, напротив, «вследствие непривычки к умственному труду истощены до крайности»³. Похоже, он был близок к истине. В.П. Полонский, главный редактор «Нового мира», отмечал у И. Бабеля «жадность к крови, смерти, к убийствам, ко всему страшному, его почти садистскую страсть к страданиям...»⁴. Между тем Бабель производил впечатление вполне уравновешенного, независимого человека. Творчество позволяло (вероятно, на время) уйти от поствоенного стресса. А. Белый писал Иванову-Разумнику в начале марта 1925 г., что в нынешних условиях «...люди „морального“ сознания не выдерживают, лопаются сердца и воспаляются мозги»⁵. Известный экономист И.Х. Озеров в августе 1928 г. делился своими соображениями с В.И. Вернадским: «...Сейчас проявляется влияние людей, которые в тюрьмах, отчасти в одиночках, тяжелой ссылкой развили фантазию, „дьявольскую волю“, незнание жизни. Этот волевой импульс соединяется с отвлеченной фантастикой, фанатизмом, отсутствием творчества»⁶.

Исторически протяженная волна российской революционной жертвенности приняла крайние формы. В 1924–1925 гг. достигла своего пика поднимавшаяся еще в 1921 г. волна самоубийств среди партийных работников, на порядок превзошедшая также необычайно возросшую суицидальность всего населения. В 1925 г. каждый восьмой из умерших коммунистов покончил с собой. Доля коммунистов среди самоубийц была не ниже 7 %, в армии — 15 %⁷. Большевистские теоретики тут же объяснили это физической изношенностью «старой гвардии» — иного

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 475. Л. 40–40 об.

² Там же. Д. 494. Л. 144.

³ Чуковский К. Дневник. 1901–1929. М., 1991. С. 173.

⁴ См.: Воспоминания о Бабеле. М., 1989. С. 198.

⁵ Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. СПб., 1998. С. 318.

⁶ Исторический архив. 1999. № 1. С. 179.

⁷ Тяжелыникова В.С. Самоубийства среди коммунистов в 1920-е гг. // Отечественная история. 1998. № 6. С. 162.

от материалистов трудно ожидать¹. Для объяснения суицидальности командиров Красной армии использовалось более элементарное объяснение: страх ответственности за совершенное преступление; психическая неуравновешенность, протест против дисциплинарных взысканий при крайне тяжелом материальном положении². Между тем на статистику самоубийств в армии мог повлиять еще один фактор: в связи с финансовым кризисом 1925 г. некоторых старших командиров отправляли в бессрочный отпуск, вдвое урезав содержание³. Это еще больше усиливало стрессовое состояние военнослужащих.

Можно предположить, что возрастание суицидальности населения было связано с разрешением продажи спиртных напитков. Ю. Ларин писал, что наиболее подвержены пьянству оказались те слои общества, которые являлись «основной опорой социализма»⁴. Однако коммунисты принялись сводить счеты с жизнью еще до отмены «сухого закона».

Со времени классической работы Э. Дюркгейма⁵ появилось множество теорий самоубийства — как социологических, так и психологических. Как бы то ни было, исследователи соглашаются с тем, что рост суицидальности связан с процессами социальной дезинтеграции и идеологических кризисов. В свое время Ф.М. Достоевский связывал суицид с «потерей высшего смысла жизни»⁶. Зна-

¹ См.: *Залкинд А.Б.* Очерки культуры революционного времени. М., 1924.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 953. Л. 35. По данным ПУРа на март 1925 г., наиболее высокий показатель самоубийств был в Приволжском Военном округе — 14, т. е. 0,063 % по отношению к численности личного состава. В среднем же на 100 тыс. человек в год приходилось 3–4 самоубийства, и этот показатель был признан «устойчивым». Наиболее высокую суицидальность обнаруживал начальствующий состав среднего и младшего звена. Основные причины: для комсостава — личные переживания и внеслужебный быт; для административного — хозяйственные преступления (40 %) и нервные расстройства (30 %); для политсостава — нервные расстройства (44 %). Суицидальность рядового состава выглядела так: преступления — 20 %, недовольство службой — 16,5 %, нервные расстройства — 13 %, болезни — 10 %. Отмечалось, что «часто дело кончается самоубийством, когда женщина требует оставить военную службу, чтобы можно было содержать семью». При этом в армии среди членов партии и беспартийных был зафиксирован примерно одинаковый уровень самоубийств (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1013. Л. 16–21). Скорее всего, между названными причинами суицидальности возникала системная взаимосвязь, создающая ощущения тупиковости армейского бытия.

³ Об этом, в частности, Сталину один его земляк (на грузинском языке) анонимно жаловался, что «если что-нибудь скажешь комиссии, то с руганью по матери выпроводят и скажут, что нет больше работы... Остается только одно: взять ружье и заняться бандитизмом». См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 492. Л. 304.

⁴ *Ларин Ю.* Новые законы против алкоголизма и противоалкогольное движение. М.—Л., 1929. С. 5.

⁵ Он выделял эгоистические, альтруистические и аномические (вызванные кризисным состоянием общества) факторы, определяющие суицидальность. См.: *Дюркгейм Э.* Самоубийство. Социологический этюд. М., 1994.

⁶ *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1982. Т. 24. С. 49. Аналогичным образом исследователи связывают суицид с «экзистенциальным вакуумом» (см.: *Франкл В.* Человек в поисках смысла. М., 1990), а также выделяют его «дезиллюзионную» разновидность (см.: *Halbwachs M.* Les causes du Suicide. Paris, 1930).

чение этого фактора, безусловно, выросло в постреволюционное время. В ситуации общей депрограммированности при нехватке жизненно необходимого импульсы насилия не находили «достойной» цели и приобретали автоаннигиляционную направленность. Известно также, что суицидальность снижается в военное время и, напротив, резко повышается в послевоенное — инерция насилия оборачивалась против самих его активных носителей. В данном случае, помимо прочего, создается впечатление, что самоубийства среди коммунистов были продиктованы желанием уйти от абсурда постреволюционного бытия. Член партии А. Готкин 23 мая 1924 г. истерично вопрошал из Вязьмы: «Для чего нужна партмобилизация? Или для укрепления коммунистического влияния между армией, массами, или для мебели? ... Военкомы, которые находятся при Подиве 29... заставляют выходить из партии или покончить с собою...»¹.

Некий Пиманов из **Ленинграда**, по его словам, сын бедного рабочего канатной фабрики, в феврале 1918 г. с помощью 25 коммунистов из Питера установил в г. Спасске Тамбовской губернии советскую власть. В список своих революционных «заслуг» он, между прочим, включил и расстрел по его доносу в 1920 г. «20 человек из советских работников». Поработал он и в особом отделе губчека в Тамбове, и в особых отделах армии, при этом «всё время разоблачал злоупотребления». Имелся у него и личный «рекорд»: за три месяца работы в особых отделах с его помощью было расстреляно не менее 100 человек. В 1927 г. он был, однако, исключен из партии. После этого, сообщал он, «силы мои пошатнулись, семья на почве голода болеет, сына 1 года недавно схоронил, и надо уже с остатками семьи покончить жизнь самоубийством». По его словам, он «не раз задумывался об этом», более того, не раз к самоубийству его призывала жена. Но он, однако, не желал умереть, «не доказав ЦК РКП и всему народу», что «умирает за несправедливость»².

Строго говоря, уровень постреволюционной суицидальности по меркам современного общества был не столь уж высок. Но учитывая, что, с одной стороны, она была на слуху в силу подверженности ей публичных фигур, с другой — что российская социальная среда оставалась по преимуществу традиционалистской, этот феномен, как и гибель вождей, оказывался на виду. Несомненно, что процессы десоциализации влияли и на суицидальность населения, и на общую статистику смертности. Вместе с тем постреволюционное время вносило в этот процесс характерные нюансы.

Анонимный корреспондент из Сталинграда, служащий, беспартийный, в сентябре 1926 г. писал, что «за последнее время мы стали ежегодно терять руководителей», и вопрошал: «Ленин, Ногин, Нариманов, Фрунзе, Дзержинский — не много ли это за три года?» По его мнению, тюрьмы и ссылки «оставили наследство — туберкулез, сердечные, желудочные и другие болезни». Надо учитывать это, поскольку «в пути к социализму приходится нащупывать дорогу, и только гениальность, эрудиция и опыт вождей создает нам уверенность, что корабль революции находится в верных руках». А между тем «приходится наблюдать полное равнодушие к тому, как сгорают лучшие силы страны». При этом он

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 859. Л. 3.

² Там же. Д. 1030. Л. 195–198.

«бросал обвинение ЦК партии в преступном расходовании физической и психической энергии наших вождей». Автора «охватила злоба на тех, кто косвенно виноват в смерти Дзержинского». Он уверял, что его точка зрения «разделяется сталинградским пролетариатом»¹.

Подозрительное отношение к столь многим и неожиданным смертям было достаточно распространено. К.С. Линский, член ВКП(б) с 1920 г., писал: «Тут, вероятно, какая-нибудь организация, которая наших товарищей отравляет так хитро, что некому заметить». Он предлагал Сталину «взять дело в свои руки»². Маниакальная подозрительность — обычный спутник «мутных» времен. П.Д. Еремеев, рабочий из Карвассар близ Каменец-Подольска, 14 ноября 1926 г. писал Сталину: «Вождь революции тов. Ленин и Фрунзе скончались не от своей болезни, а от капитала, т. е. от руки медицины». По его мнению, они были «убиты провокаторами, которые среди нас»³. У некоторых смерть Дзержинского вызвала настоящую «революционную истерику». С. Ярчук из села Дуброво Черниговской губернии 25 июня 1926 г. возопил:

Коммунары! Сомкните звенья Вашей живой цепи!! Дзержинский... в Вас и в нас — вечный... Он бессмертный, как славный «ЯКОБИНСКИЙ» брат ЛЕНИНА. Установите дозор! Стократный [дозор] над гадами Соввласти. Теперь они шипят! «Нехай жива Дзержинщина».⁴

За коммунистами-самоубийцами последовали комсомольцы. Оказалось, что большевистско-комсомольский суицид породил подобие психической эпидемии.

Как квалифицировать «коммунистический» суицид? В.С. Тяжельникова считает, что «в суицидальном поведении главной составляющей была гнетущая повседневная атмосфера»⁵. А это ощущалось в равной мере и «революционными романтиками», и молодежью. К этому добавлялось «моральное разложение» партийных руководителей. В таких условиях не выдерживали и люди, некогда побывавшие на каторге. Столкновение утопии с реальностью, привычки к насильственному разрешению всех проблем и ситуации «болота» часто приводили к трагическим последствиям.

Идейный большевизм порождал особый тип революционера. Для волюнтаристов, фатально уверовавших, что они являются функциональными величинами мировой истории, тихий уход в небытие казался верхом несправедливости. И потому многие из них предпочитали *демонстративный* уход из жизни. Добровольная смерть последний раз возвышала их в своих собственных глазах.

Все это усугублялось психосоматическими последствиями былого сверхнапряжения. Обследование германскими врачами 89 видных партийных работни-

¹ Там же. Д. 494. Л. 163.

² Там же. Л. 260.

³ Там же. Оп. 84. Д. 1027. Л. 83. П.Д. Еремеев писал не раз (также см.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 494. Л. 271), скорее всего, он был человеком крайне неуравновешенным. Одно из его писем содержало требование «достать» в Румынии сбежавшего туда в 1924 г. Кравацкого, работника ВЧК и ГПУ (См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 475. Л. 162).

⁴ Там же. Оп. 85. Д. 494. Л. 252.

⁵ Тяжельникова В.С. Самоубийства среди коммунистов... С. 169.

ков выявило туберкулез и легочные заболевания у 18 человек, нервные и психические расстройства — у 39, сердечные заболевания — у 9. Здоровыми признали 6 человек — среди них Сталин, Буденный, Крыленко. У Молотова была отмечена всего лишь «нервность», у Троцкого — «хронический колит, тиросидерм», у Зиновьева — «переутомление, припадки на нервной почве»¹.

Люди, вздумавшие перевернуть мир, болели всеми мыслимыми человеческими болезнями. Редуцирование лозунга мировой революции до идеи построения социализма «в одной, отдельно взятой стране», порождало острую дезадаптацию в массе «пламенных революционеров». Не случайно среди коммунистов того времени процветали всевозможные суеверия, лишь внешне окрашенные в «материалистические» тона. Последователи доктора Бадмаева лечили в разное время по рецептам тибетской медицины Бухарина, Куйбышева, Горького, А.Н. Толстого². С 1924 г. началась настоящая эпидемия омоложения среди партийных работников. Особо отличился по этой части А.М. Стопани, впрыскивавший себе по предложению врача Левина некий «гравидан», изготовленный из мочи беременных женщин. Геронтологические эксперименты велись на уровне доисторических ритуалов. За образом булгаковского профессора Преображенского, омолаживающего людей путем пересадки яичников от обезьян, стоял реальный прототип³. Впрочем, эти эксперименты бледнели на фоне опытов по скрещиванию обезьяны с человеком.

В свое время революционная среда пребывала в состоянии «группового нарциссизма» (Э. Фромм). Постреволюционная атмосфера разрушила это привычное состояние. Строго говоря, революционеров поразил особый вид усталости — не столько физической и психической, сколько духовной. Поэтому не удивительно стремление к всевозможным формам «ревитализации» — отсюда и соответствующие «нэповские пороки».

Коммунистам хотелось жить по-новому, но гармонизировать отношения с социальной средой не удавалось. Суицидальность среди них приняла такие масштабы, что потребовалась специальная кампания по осуждению этого явления. Это не остановило, однако, А. Иоффе. 16 ноября 1927 г. в предсмертном письме он писал своему ближайшему другу Троцкому:

...Политический общественный деятель должен также уметь вовремя уйти из жизни, как, например, актер — со сцены... Человеческая жизнь лишь постольку и до тех пор имеет смысл, поскольку и до какого момента она является служением бесконечному, которым для нас является человечество... Но теперь, по-видимому, наступает момент, когда жизнь моя утрачивает свой смысл, и, следовательно, для меня появляется обязанность уйти из нее,

¹ См.: РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 50. Л. 121–125.

² Доктор Бадмаев: Тибетская медицина, царский двор, советская власть. М., 1995. С. 77.

³ Прототипом булгаковского героя был работавший во Франции профессор С.А. Воронов, который осуществлял «омоложение» путем пересадки половых желез молодых обезьян (См.: Воронов С.А. О продлении жизни. М., 1923; *Он же*. Сорок три прививки от обезьяны человеку (омоложение). М., 1924; *Он же*. Старость и омолаживание. М.–Л., 1927).

покончить с нею... *Жизнь моя теряет всякий смысл...* Я знаю вообще отрицательное отношение партии к самоубийцам, но я полагаю, что вряд ли кто-нибудь, уяснив себе мое положение, смог бы осудить меня за этот шаг.

Иоффе полагал, что его смерть «может быть полезнее» его дальнейшей жизни¹. Примечательно, что сам Троцкий фактически согласился с суицидальной версией Иоффе². И не все из них могли сделать выбор между мировой революцией и служением возрождающейся бюрократической государственности.

Гибли люди более тонкой психической организации, теряли рассудок люди, не способные прожить без «врага». При этом обнаружилось, что многие экстремисты совершенно не умели наладить личную жизнь. Пресловутый-быт превращался в неразрешимую проблему.

Весьма типична история В.А. Изварина, коммуниста из казаков, участника Гражданской войны. В 1926 г. он описал свои мытарства на нескольких десятках страниц. После войны Изварин пытался организовать артель «Красная нива», но она просуществовала только два года. После этой и других неудач он подумывал о самоубийстве, но останавливало его то, что «застрелиться нечем, а веревка 12 пудов не выдержит» — судя по всему, он был серьезно болен. К тому же ему было «жалко молодую жену с 4-летней дочкой». Становиться же нэпманом он принципиально не хотел. Люди, которые в годы «военного коммунизма» успели пристроиться, над ними откровенно смеялись: «Иди, еще повоюй». Изварин, человек неуравновешенный и не лишенный революционных претензий, вписаться в постреволюционную действительность не мог. Тем не менее он все еще надеялся, что сможет принести «пользу для советской власти в смысле контроля правительства»³. Сомнительно, что в этой роли он был бы востребован.

В мирных условиях многие люди, отличившиеся в годы Гражданской войны, оказывались в роли преступников. Бывший старший военный следователь И.П. Забежанский 4 июня 1925 г. жаловался, что «пострадал за правду»: избивали на следствии, засадили на 3 месяца в тюрьму, наконец, на 4 месяца попал в сумасшедший дом⁴. Ясно, что это был отчаявшийся человек, не находящий себе применения в новых жизненных условиях. Бывший член РКП(б) Андрей Рейнгольдович Грицко, сын сапожника, который некогда сражался против Деникина и Врангеля (был комиссаром по снабжению армии), в 1922 г. был приговорен к 6 годам заключения за превышение власти и халатное отношение к службе, через 2,5 года освобожден, однако не смог найти работу. Желая искупить вину, он готов был «служить китайскому кантонскому правительству, преследующему цели свержения капитализма»⁵.

¹ *Троцкий Л.* Портреты революционеров / Сост. Ю. Фельштинский. Venson, 1988. С. 386–397.

² Не исключено, что Иоффе колебался: незадолго до рокового выстрела он просил Троцкого приехать к нему, но тот запоздал. См.: *Троцкий Л.Д.* Моя жизнь. Опыт автобиографии. М., 1991. С. 508–509.

³ ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 3. Д. 485. Л. 87–107.

⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1032. Л. 115.

⁵ Там же. Д. 1013. Л. 198–200. Некий Н. Андреев также добивался разрешения «встать под знамена Кантонской армии для изгнания империалистов из Китая». См.: РГАСПИ.

Хуже всего приходилось молодым людям, не получившим гражданской профессии. Некий А. Горбунов писал А.И. Рыкову 29 августа 1925 г.:

Человек я маленький. Когда-то чему-то учился, но война этому помешала... Потом революция, энтузиазм, Красная армия. Голодно, холодно, но энтузиазм... Три ранения, несколько «заслуг» — я командир полка... Потом нэп, демобилизация... что-то не то. Потом гражданская служба, поиски куска хлеба, безработица, мытарства. Сибирь, Омск — то же самое. Бюрократия, местничество, протекция, нищенство. Безработица, проституция, преступность из-за куска хлеба, с одной стороны, кутежи, роскошь, обеспеченность нэпманов и ответственных работников — с другой.

...Скажите, к чему была эпоха военного коммунизма, к чему были слова, красивые слова о счастье, к чему были реквизиции, конфискации, расстрелы, кровь проливаемая и пролитая нами... Неужели мы, дравшиеся за Вас, были вольно или невольно обмануты? ...

Где же обещанное? Где светлая жизнь? То есть она есть, но для немногих, так зачем же [было] ломать старое? Мой отец рабочий... Но я, вероятно, да и миллионы других были ранее счастливее, чем теперь, когда счастливых кучки, а несчастливых легионы.

...Пришлите Вы к нам неподкупного следователя, пусть он заглянет в это болото, в это гнездо преступлений, и станет жутко от этой клоаки. Невольно возникает мысль о колоссальной авантюре. Гонись эту мысль, а она сильнее захватывает и, наконец, эта мысль делается своего рода *idée fixe*.

Я лично человек, вынесший себе приговор... Не вечно же мучиться, унижаться, гнущься, подличать, кланчить — и все из-за куска хлеба¹.

А. Самарский из Москвы, член партии с 1918 г., в июне 1926 г. (на второй день протестной голодовки) адресовался Сталину как «несчастный, измученный борьбой с темным бытом и клеветой коммунист»: «...Поставлен в такое положение, что, если мне не помогут, мне остается единственный выход — добровольно исключить себя из человеческого общества»². Общее психофизическое истощение было налицо. К этому добавлялось недовольство разложением партии.

Часто бытовые тяготы усугублялись «несправедливым» исключением из партии. Рабочий труболитейного завода Р.С. Жбанов в январе 1920 г. вступил в партию, в сентябре 1921 г. его исключили. «За что — не понятно, — жаловался он. — Носить такое позорное пятно предателя коммунистической идеи для меня, как пролетария, равносильно смерти»³. Автор письма подстраивался под новый поведенческий стереотип — честного, недоумевающего страдальца от разложившихся людей. Иные из них всего лишь пытались привлечь к себе внимание, а то и просто шантажировали самоубийством. Комсомолец Даньшев,

Ф. 17. Оп. 85. Д. 77. Л. 2, 47.

¹ РГАСПИ. Ф.17. Оп. 84. Д. 1013. Л. 203–203 об.

² Там же. Оп. 85. Д. 495. Л. 167.

³ Там же. Оп. 84. Д. 1027. Л. 165.

рассказав вождю о жизненных трудностях, заявлял: «Или учиться, или застрелиться — вот для меня два пути в настоящем»¹.

Фактически это была отчаянная просьба к власти: научить или помочь научиться жить в «непонятных» условиях.

Многие молодые люди, словно следуя известному ленинскому завету, видели в учебе своего рода путь к спасению. Секретарь ячейки ВКП(б) станицы Новобаканской Крымского отдела Черноморского округа (подпись неразборчива) 25 сентября 1926 г. красными чернилами (обычно их использовали люди психически неуравновешенные) писал Сталину «как отцу», ибо его родные «отец, брат и мать были расстреляны чехами». Этот человек в октябре 1917 г. «ушел в партизанский отряд... 7 раз был ранен... в плену у Колчака случайно остался жив...» В 1925 г. демобилизовался. Далее он сообщал:

Сейчас всё время нахожусь на партийной работе, устал, сильно устал, отпуска не прошу, надо работать, ведь у меня родного осталась только партия, никого больше нет... Тов. Сталин, простите меня, что называю вас отцом, поверьте от всей души, вы не отталкивайте меня так же, как и партия не отталкивает... Отец, к тебе моя последняя просьба, хоть ты помоги построить мне правильно жизнь, ибо вся исковеркана, сделай хоть ты меня человеком. Пусть партия pošлет меня учиться, я перед ней исполню мой последний долг².

Трудно оценить степень правдивости подобных криков души. Этим людям казалось, что учеба открывает им путь к обретению «потерянного» знания. Ясно, однако, что посадить всех за парту невозможно. И тогда у некоторых начинался своего рода психоз безысходности. Крики отчаяния раздавались со всех сторон. Еще один обиженный «неправильным к нему отношением» писал: «Товарищ Сталин! Обратите внимание на мое крайне критическое положение, и ежели у вас сложится такое же мнение, как у Бауманского райкома, то пришлите человека, который меня застрелит»³. Либо заступничество высшей власти — либо смерть! Застрелиться грозился 19 сентября 1926 г. и бывший прокурор Корольков из Сталинграда. Он полагал, что «неправильно» снят «с прокурорской работы в Адыгейской области за якобы грубое обращение с лекарем больницы», затем перебрался в Сталинград, где «попал в очень тяжелое материальное положение»⁴.

Вообще, обычные бытовые трудности постреволюционного времени для поколения Гражданской войны выростали поистине до проблем онтологического уровня. Большевик с 1898 г. Г.С. Милютин, бывший военный моряк, направил Сталину «рапорт-заявление», в котором жаловался на «множество ранений», осколки, засевшие в теле, и полное отсутствие средств. Свое положение он считал безвыходным, поскольку в получении лекарств ему было отказано. «Остается последний исход — пулю в лоб! — писал он. — И конец мучительности». А пока он надеялся на личную аудиенцию и ждал «вашего распоряжения»⁵. Командир

¹ Там же. Д. 1032. Л. 14 об., 16 об.

² Там же. Оп. 85. Д. 496. Л. 311.

³ Там же. Оп. 84. Д. 645. Л. 120.

⁴ Там же. Оп. 85. Д. 494. Л. 22.

⁵ Там же. Л. 227–227 об.

отдельной роты РККА В.И. Булгаков из Ростова-на-Дону, которого «сократили», 19 октября 1927 г. так описывал свой революционный путь:

...От Казани до Барнаула чрез всю Западную Сибирь прошел я с боями... Кубань и Донская область не миновали моего оружия. Всю Гражданскую войну вынес на своих плечах вместе с другими равными мне товарищами. И от всего этого массажа на моем теле от ран нет целого места, и на груди до сих пор зияет рана, через отверстие, которой пробиты пулей мои легкие... Оставаясь на краю пропасти жизни, прошу и умоляю сделайте что-нибудь¹.

Другие экс-революционеры уже ни на что не надеялись. Инвалид Д.В. Курьянов из Сталинграда 3 ноября 1927 г. (накануне 10-летней годовщины большевистской победы) писал:

Мне было 13 лет... рвался, как дурак, на ваш зов вперед и на 14 году я остался без ноги... Эх, жизнь моя жестянка. Я посылаю вам карточку 13-летнего добровольца и карточку [на которой] с женой снят... И вот эта молодая жена отравилась, но еще жива... и всё из-за того, что я очень плохо живу в смысле средств... Я покончу самоубийством, я уже раз вешался, меня сняли... и я пролежал в больнице 6 суток, и мне придется еще раз решиться, ибо я гибну и гибнет жена... Прошайте².

Бывший член партии, имя которого в данной ситуации звучало многозначительно, Леонтий Пасынков, из рабочих, поставил 10 сентября 1925 г. в письме из Перми гамлетовский вопрос: «Жить или умереть с позором?» По его словам, он ушел в Красную гвардию в 16 лет, в годы Гражданской войны служил «в интернациональной роте мадьяр», воевал в Монголии, побывал в плену, был многократно ранен, переболел тифом, стал слепнуть от трахомы. В 1920 г., в возрасте 18 лет, стал кандидатом в члены партии. Несчастье случилось в мирной жизни: по его признанию, «выпил публично 7 бутылок мадеры из буфета за казенные деньги, хотел броситься с моста в Каму, но вытащили, стал инвалидом». Умолял простить, обещая возратить потраченные 518 рублей, уверял, что еще «пригодится»³. И таких «пасынков» революционной смуты было громадное количество.

В условиях «неожиданного» НЭПа многие интеллигенты времен стихийного большевизма становились заложниками своего непролетарского происхождения.

В мае 1922 г. произошло ЧП в Академии Генерального штаба РККА — покончил с собой Леонид Васильевич Лебедев, 1889 года рождения, сын коллежского асессора, окончивший в 1907 г. Минскую гимназию, а в 1913 г. — филологический факультет Петербургского университета. С июля 1913 г. он служил в старой армии, в 1917 г. получил чин поручика. Когда-то был меньшевиком, в 1919 г. вступил в РКП(б), но в ноябре 1921 г. был исключен из партии. Считался «чрезвычайно работоспособным», но при этом представлял собой тип «кающегося интеллигента». Исключение из партии воспринял болезненно — как

¹ Там же. Д. 501. Л. 199.

² Там же. Л. 248.

³ Там же. Оп. 84. Д. 1030. Л. 95.

«кару за мое прошлое». Расследование установило, что сам Лебедев называл себя «бескостным интеллигентом», а исключение из партии стало для него «тяжелым ударом» и «политической смертью». Поводом к самоубийству стал «сигнал» в Разведуправление, в котором он характеризовался как «либеральный кадет», «меньшевик», человек «неустойчивый, недостаточно надежный»¹.

Смерть Лебедева была симптоматична. Пройдет несколько лет, и ощущение собственной ничтожности на фоне величия задач, выдвинутых партией, приобретет характер социальной эпидемии. Небезызвестный террорист Я.Г. Блюмкин, человек вроде бы не отличавшийся повышенной нервозностью, признавался, что «никогда свое эсеровское прошлое... не переживал так мучительно, как в Академии», где против него началась настоящая травля².

Представители интеллигенции всё более четко осознавали, что их прежнее поведение оказалось исторически самоубийственным. Некий «гонимый спец из пролетариев» писал:

...Вы сделали Октябрьскую революцию, а мы, участвуя в рабочих демонстрациях и студенческих забастовках, подготовили для вас почву. Всё у меня отняли. Оставили мы с женой цианистый калий, которым и воспользуемся, когда дорогие товарищи выставят меня, чтобы дать место своему товарищу-партийцу³.

Индивидуалистическое самоедство легко оборачивалось агрессией отчаяния. Обнаруживались своего рода «заложники истории», намеренные перевернуть ее единым махом. Например, некий Н.Г. Мстиславский, член партии из Москвы, общал Л.Б. Каменеву, что еще в 1920 г. предложил Троцкому «услуги по секретному вооружению Коминтерна сотнями тысяч управляемых самолетов с готовыми бомбами» (за что был арестован и «имел на себе удовольствие испытать все прелести подвалов ВЧК»). Теперь этот революционный фантазер утверждал, что «беззастенчиво творится экономическая контрреволюция», «преступления превысили всякую меру»⁴, а потому надо спешно зачистить социальное пространство.

Среди отчаявшихся комсомольцев и коммунистов встречались личности, готовые на террористическую самодеятельность. 8 комсомольцев с Украины (с. Зеленивка Мелитопольской округи) 5 октября 1926 г. писали наверх: «Генерал Слащов, который находится в настоящее время в СССР, зверски расправлялся с комсомольцами одной из подпольных комсомольских организаций... Некоторые ребята высказываются совершить путешествие в Москву и, попав, Слащева убить его, как убили Петлюру во Франции»⁵. Я.А. Слащов в конечном счете был

¹ Там же. Д. 447. Л. 6–7, 12–17.

² Там же. Л. 35.

³ Там же. Оп. 85. Д. 529. Л. 310, 312. Судя по всему, анонимный автор находился в депрессивном состоянии. Большевикам он инкриминировал то, что в свое время они «инженеров заставляли чистить уборные... [их] сыновей и дочерей выгоняли из советских школ и вузов... спецов заставляли мыть полы и варить обед красноармейцам». См.: Там же. С. 311.

⁴ РГАСПИ. Ф.17. Оп. 84. Д. 1030. Л. 329.

⁵ Там же. Оп. 85. Д. 496. Л. 100. Вероятно, тот факт, что убийца С.В. Петлюры был французским судом оправдан, еще более вдохновил начинающих международных террористов.

застрелен, причем его убийство осталось нераскрытым. Другие молодые люди готовы были экстраполировать неудовлетворенное чувство мести на весь мир. 24-летний Вениамин Израилев, член РКП(б) с апреля 1919 г., в октябре-ноябре 1925 г. писал Сталину из Орла:

Буржуазия Европы в предсмертных судорогах... Пошлите меня в Лондон и дайте мне эскадрон всадников Чичен (чеченцев. — *В.Б.*). Дайте мне шпагу, сделанную из тульской стали, и напишите на ней: «Коммунизм или смерть». В Лондоне я буду говорить с раввином на древнееврейском языке, спрошу, отдадут ли иуды фабрики, заводы рабочим или нет, то я буду делать то, что делал тов. Петерс в Ленинграде в 1919 году — террор, красный террор¹.

Этот революционный неврастеник тяжело страдал от антисемитизма², его явно не устраивала навязываемая ему внешним окружением идентичность, а потому он болезненно верил в интернациональную пролетарскую солидарность:

Неужели иностранный рабочий будет в меня стрелять?.. Прошу послать меня в колонии Индии, буду драться до конца. Если там мне скажут, что солнце светит только для буржуазии, я потушу Солнце³.

Из хронического состояния ненависти к внешнему миру рождалось убеждение в необходимости нового этапа его переделки. Этим грешили не только революционеры-интеллигенты. «Старый член РКП» Райдук предлагал собственную программу экспорта терроризма:

Я старый чекист, сын рабочего... Бессчетное количество приговоров высшей меры наказания я выполнил... в течение 5 лет в ВЧК и особых отделах на фронтах. Я делал [это] не из любви к искусству, а сознательно. Теперь... у меня огнем воспламенилась злость, я прошу дать мне дорогу мести за моих погибших товарищей. Я прошу разрешения партии отправиться для совершения террористического акта в одну из двух стран — Китай или Болгарию. Я докажу партии, что я умертвлю того, кто уже умертвил десятки наших передовых товарищей. Это Цанков — палач рабочих. Я привык всегда смотреть смерти в лицо, и в данном случае прошу партию дать волю моим чувствам и стремлению мести. Я умру на славном посту, но выполню задуманное, если партия не запретит... Я готов отдать свою жизнь как месть за расстрелянных товарищей. Используйте меня... Я умер бы под пытками, но партию не выдал...⁴

В Болгарию «для подготовки и борьбы с буржуазией» готов был отправиться и крестьянин С.С. Заволока, член партии с 1919 г. из села Калиново Макеевского района Сталинского округа. С 1918 г. он находился в Красной армии, а также партизанских отрядах, последняя его должность — командир 1-го Черноморского

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1027. Л. 129.

² «Я — еврей-рабочий, когда же мне не будут тыкать, что я жид? — с отчаянием писал он. — Я хочу умереть за дело рабочего класса». См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1027. Л. 114–115.

³ Там же. Л. 129.

⁴ Там же. Д. 1028. Л. 180–181.

кавалерийского полка. 2 октября 1926 г. со своей просьбой он адресовался в Исполком Коминтерна, убежденный, что «борьба рабочих и крестьян с буржуазией все больше усиливается». Ему казалось, что «на Балканах самый серьезный узел боя в Европе», однако был согласен выехать и «в другие места»¹. П. Харламов (Шильнинский комбинат, Рыльского уезда, Курской губернии) писал в Политбюро ЦК ВКП(б), что нужно организовывать «партизанские отряды для действий на Западе и Востоке»². Отчаявшийся революционаризм гипертрофировался в мессианское качество.

Как ни странно, с глобалистскими заявлениями выступали не только коммунисты. «Я призываю весь народ Украины и Московии на смертный бой (войну) с англичанами, и благословит дело войны с ними Христос», — писал «красный священник на Украине» Ярчуков. По его словам, в свое время он даже «явился к Троцкому и предложил выстрелить по Керзону и всем лордам»³. В данном случае вопрос о вменяемости «красного попа» не имеет значения — его поведение было отражением всеобщего психоза.

Разумеется, далеко не все большевики воспринимали действительность в подобных тонах. Для некоторых из них, особенно представителей старшего поколения, 1920-е гг. остались в памяти как время, когда, несмотря на все сложности быта, удавалось реализовывать задуманное, непрерывно создавать что-то новое⁴. Революционная претенциозность оборачивалась склонностью к самообольщениям. Это было связано главным образом с воздействием официальной пропаганды.

Однако «письма во власть» чаще запечатлевали нечто иное. Людей, ищущих «главного врага» и/или «хорошей смерти за идею», в силу нежелания бесславно закончить свои дни в смердящей, как им казалось, нэповской России⁵, оказывалось немало. Иные настолько привыкли воевать и убивать, что инстинктивно тянулись к привычному делу. Демобилизованный командир кавалерийского полка Александров из Москвы, воевавший еще в Первую мировую войну среди осетин Туземной дивизии, 14 сентября 1925 г. предлагал Сталину сформировать «сводный кавалерийский полк национальных меньшинств Кавказа в Москве — этим будет достигнуто доверие горцев к партии». В случае войны такой полк легко может быть развернут в дивизию, которую можно будет направить в Польшу или Румынию⁶. Трудно в связи с этим сказать, где кончались интернационалистские иллюзии и начинались гегемонистские претензии.

Член ВКП(б) Б.И. Грицкий из Грозного «недовоевал»: 5 лет назад он обращался в ЦК с просьбой направить на колчаковский фронт, однако Рязанский губком оставил его «на газетной работе», от которой он через год «фактически

¹ Там же. Оп. 85. Д. 475. Л. 173. Многие к этому времени пребывали в убеждении, что западные капиталисты восстановили буржуазный порядок сначала в Германии, затем в других странах и этот процесс нужно прервать, пока они не добрались до Советской России.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 859. Л. 64.

³ Там же. Д. 860. Л. 17 об.

⁴ Жукова Е. На полках старинного шкафа. Семейная хроника. М., 1990. С. 161–165.

⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1027. Л. 119–120.

⁶ Там же. Д. 1025. Л. 140–142. Упоминание Польши, очевидно, было связано с тем, что летом 1925 г. на границе с ней возникли серьезные конфликты.

сбежал на Польский фронт». Теперь он вновь обращался в ЦК «с мольбой», требуя «дело, в котором нашло бы свое настоящее применение чувство ненависти к нашим смертельным врагам». Врагов в постреволюционное время оказывалось много, фашисты и Каутский, по его мнению, были явлениями одного порядка. Далее он утверждал:

Мы имеем дело с сумасшедшими, маньяками, с бешеными собаками, с продажными бандитами... К нам едут «философы» и кретины, фанатики и мошенники убивать наших вождей. Чем мы хуже? Мы лучше: у нас найдутся десятки не философов, не кретинов, не фанатиков, не мошенников, а просто десятки хороших солдат революции с метким глазом, твердой рукой и несокрушимой волей. Надо физически уничтожить таких выродков, как Каутский, и вообще все вожди меньшевизма. Все средства в борьбе с силами реакции и «стабилизации» капитализма должны быть признаны хорошими.

Отрубить голову интернационала ренегатов — значит обезглавить империализм.

Создайте ударную группу по обезглавливанию империализма. Пустите меня в Германию, и я обезглавлю Каутского.

Неужели партия не позволит? Или нельзя об этом говорить вслух, а надо на свой страх и риск ехать и действовать?

...В нашем Союзе найдется немало таких, как я. Мы готовы создать ударный кулак по умерщвлению теоретиков и апологетов империализма¹.

Молодежь постреволюционного времени совершенно не умела, да и не желала контролировать собственные агрессивные импульсы. Курсант Объединенной интернациональной школы в частном письме сообщал из Ленинграда: «Если бы в Эстонии разгорелось восстание, то я уже шагнул бы по полям Эстонии»². Для многих этика Гражданской войны оставалась нормой. Так, член партии Пашинин, секретарь Дорпрофсоюза Среднеазиатских железных дорог, 3 декабря 1925 г. поучал собственное начальство из Полторацка. По его мнению, всякая диктатура порождает гражданскую войну, а нынешние вожди утверждают, что «господство большинства над меньшинством может обойтись без гражданской войны». Опыт показывает, что это не так, утверждал он³. А в ноябре 1927 г. после известной «военной тревоги» некоторые коммунисты публично задавали вопрос: «Не являются ли оттяжки войны слишком невыгодными для СССР»⁴.

Силовое решение накопившихся проблем весьма привлекало молодежь. А.Л. Каргин из Балакова Самарской губернии, допризывник, комсомолец, дважды писал в сентябре 1926 г. в ЦК РКП(б):

...Прошу зачислить меня в ряды Рабоче-Крестьянского Красного Флота... Хочу всю жизнь быть караульным октябрьских завоеваний рабочих

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1013. Л. 13–13 об.

² Частные письма середины 20-х годов (из архивов Политконтроля ОГПУ) // Нестор. 2001. № 1 (15). С. 74.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1030. Л. 11.

⁴ Голубев А.В. Советское общество и «военные тревоги» 1920-х годов // Отечественная история. 2008. № 1. С. 39.

и крестьян... Даю слово быть верным нашему почетному Красному знамени и не изменять никогда, и если только хоть один шаг или миг будет замечен, то прошу наказывать меня как наказывают самого злейшего врага... Я знаю, что кругом нас находятся хищные звери, я знаю, что война неизбежна... и буржуазия снова будет пытаться свои силы...¹

Когда дисбаланс между реальным, воображаемым и символическим в душах людей становится невыносимым, они склонны обращаться к простому средству — насилию. При этом заметно желание сосредоточить его в руках государства. Этому способствовали представления о тотальном разложении местного начальства.

Некий К.М. Сорлович, 1903 года рождения, рабочий завода «Красный прогресс» (Большой Токмак Бердянского округа), в 1918 г. стал красногвардейцем, прослужил 1,5 года в армии, затем поступил на командирские курсы, но в 1923 г. был уволен на гражданку. Здесь он был поражен «вопиющей несправедливостью, как и пьянством, юдофобством и карьеризмом, чего в армии никогда не видел». Больше всего его возмущали «пьяные кутежи начальства с женщинами». Комсомольцы ищут оружие, уверял он, «чтобы расправиться с членами партии, которые дискредитируют ее»².

Плохо приходилось и тем, кого в свое время, со слов Троцкого, именовали «красой и гордостью революции». И.А. Щербаков 16 января 1927 г. просил «дорогого тов. Сталина, старшего товарища в партии» «не оставить славного бойца революции». Он всегда был «готов куда угодно», обещал, что «заветы Ильича не забудет никогда». Больше всего на свете ему хотелось в Ленинград — возможно, именно в «пролетарской столице» он провел лучшие годы своей жизни. По его словам, он был

с 1915 г. на Балтийском флоте, с первых дней Февральской революции... активный работник среди моряков, в 1917 году расправлялся с буржуазией... участвовал по колени в крови в бое на Невском... Был на всех фронтах... был на бронепоезде им. тов. Троцкого № 89 машинистом на паровозе... имел партизанский отряд в тылу Петлюры...³

Скорее всего, он стужал краски, преувеличивал свои революционные заслуги. Психологически это очень понятно. Таких лиц особенно много было среди красных партизан. Об одном из них писали так:

Самсонов красный партизан, быв[ший] член ВЦИКа, слушатель Свердловки в <19>20 году, он забыл недавние революционные бои и победы, [запил и теперь кается:] только в Красной армии не пил, был человеком, а теперь скотина, спасите меня, ведь я гублю не себя столько, а и дело революции, за которую бился⁴.

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 494. Л. 17, 19.

² Там же. Оп. 84. Д. 1028. Л. 24.

³ Там же. Оп. 85. Д. 492. Л. 255.

⁴ Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г. Красные партизаны в советской действительности 1920–1930-х гг. (на материалах Юга России) // Российская история. 2009. № 4. С. 107.

Как видно, красные партизаны представляли собой законченный тип диссипативной личности, сумевшей найти себя только в революции. После нее в иной социальной среде они не могли жить. Пантелеймон Самсонов, 1895 года рождения, в прошлом «красно-зеленый» партизан, в разряд своих революционных подвигов записывал налет на ст. Крымскую в 1920 г., когда «захватили много оружия, припасов», а «нескольких офицеров тут же расстреляли на площади». Теперь он смиренно просил о помощи¹. Сибирские партизаны, члены партии с 1917 и 1920 гг. Марудко и Звирбул 20 мая 1925 г. жаловались Сталину, что «на партизан смотрят с презрением, а не так как на бойца-завоевателя диктатуры пролетариата»². Примечательно, что в годы НЭПа сибирские красные партизаны всерьез собирались воевать с кем угодно — как с советской властью, так и с мировым империализмом.

В 1927–1929 гг. был написан отмеченный печатью революционной суицидальности «Чевенгур» — произведение, оцениваемое политиками как предупреждение или «оптимистическая трагедия» (жанр, получивший со временем распространение), знатоками хилиастических утопий — как навеянная недавним прошлым пародия на анабаптистский эксперимент XVI в. в Германии. В контексте последующей российской истории и творчества самого А. Платонова (в 1930 г. был закончен не менее знаменитый «Котлован») роман смотрится как разочарование в плодах революции. Действительно, принципиальный отказ революционеров-чевенгурцев от всякого труда как источника собственности, неравенства и эксплуатации, заметно контрастирует с апофеозом трудового начала, пусть в форме овладения человека машиной, в других произведениях А. Платонова. В любом случае, написание независимо от публикации произведений такого рода подсказывает, что «хаотический» период революции исчерпал себя, а следовательно, государству надлежит в привычных репрессивных формах привести социокультурную систему в равновесие.

Строго говоря, революционер-идеалист изначально представляет собой деструктивный тип, хотя в соответствии с российской протестной традицией он склонен не только к «непримиримой борьбе», но и к самообольщению путем подмены реального воображаемым. Как бы то ни было, в эпоху «бури и натиска» его личность обретает целостность, ощущая себя необходимым инструментом разрушения старого порядка и уничтожения его приверженцев. Постреволюционная эпоха сама по себе губительна для революционного идеалиста. Проблема, таким образом, распадается на ряд аспектов: причины и особенности психосоматического истощения революционера; готовность его к восприятию шокирующих факторов новой жизни; адаптационные возможности диссипативной личности в постреволюционное время; суицидально-террористические крайности его поведения и их непосредственные и отдаленные последствия.

Экс-революционера тревожила не дестабилизация идейного, политического и социального пространства, сложившегося во времена «военного коммунизма», а невозможность разглядеть в происходящем привычное или приемлемое телеологическое начало. В результате любые текущие недостатки приобретали в его

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1032. Л. 47–47 об.

² Там же. Д. 857. Л. 176.

глазах нетерпимое антисистемное качество. Вместе с разрушением «идеальной картины мира» личность «солдата революции» распадалась: с одной стороны, он пускался в поиск «врагов» в капиталистическом окружении, с другой — кинулся искать их рядом с собой, не делая исключения для бывших соратников.

Структура личности революционера парадоксальна. Ее определяет гипертрофированное чувство личной ответственности за неудачи истории. Этим обеспечивается и готовность к самопожертвованию ради «высокой» цели, и склонность к полному распаду в случае, если результат деятельности не соответствует ожидаемому. Но существует еще один аспект проблемы: отсутствие цели стимулирует активный поиск вождя, который эту цель укажет. И главный постреволюционный итог суммируется в том, что бывший революционный порыв смыкается с патерналистскими упованиями на «свою» власть.

Нельзя не учитывать и другой момент. За отчаянными призывами к тотальному переустройству мира может таиться невозможность преодолеть известного рода личные комплексы. Ничто так не стимулирует насилие, как ненависть маргиналов к благополучным социумам — то, что Ф. Ницше назвал французским словом *Ressentiment* (неосознанная зависть). Российская действительность периодически то взывает к личности революционера, то уничтожает ее.